

УДК 316.32
ББК 60.52
П 16

Ю.С. Панфилова,

аспирант кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281715010, e-mail: panfilovajulia@mail.ru

ИНТЕРГЕНЕРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются результаты зарубежных и отечественных социологических исследований интергенерационной мобильности в современном российском обществе. Выделяются основные аспекты данного процесса, ставшие предметом когнитивного интереса социологов: условия, факторы, стратегии и тенденции интергенерационной мобильности (на макро- и микроуровнях). Автором отмечается отсутствие среди исследователей однозначных выводов о специфике данного процесса в современной России, а также наличие когнитивных лакун. Это позволяет сформировать проблемное поле дальнейшего социологического исследования данной темы.

Ключевые слова: интергенерационная (межпоколенная) социальная мобильность, социальная стратификация, условия, факторы, стратегии, тенденции межпоколенной мобильности.

Yu.S. Panfilova,

Post-graduate student of Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional Studies, the Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281715010, e-mail: panfilovajulia@mail.ru

INTERGENERATIONAL MOBILITY IN RUSSIAN MODERN SOCIETY: CRITICAL ANALYSIS OF RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES

Abstract. The present paper examines the results of foreign and national sociological researches on intergenerational mobility in Russian modern society. The author allocates the main aspects of this process which have become a subject of cognitive interest of sociologists: conditions, factors, strategy and tendencies in intergenerational mobility (at macro – and micro levels). The author shows that among researchers there are no unambiguous conclusions about specifics of this process in modern Russia, as well as cognitive lacunas are available. This allows creation of a problem field of further sociological researches on this subject.

Keywords: intergenerational social mobility, social stratification, conditions, factors, strategy, tendencies of intergenerational mobility.

Изучение интергенерационной (межпоколенной) мобильности в современной России представляет интерес как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Критический анализ существующей социологической литературы по данной теме позволяет выделить ряд аспектов, являющихся предметом когнитивного интереса социологов: условия, факторы, тенденции и стратегии межпоколенной мобильности.

Говоря о социально-экономических условиях, оказывающих влияние на процессы межпоколенной мобильности в российском обществе, исследователи сходятся во мнении, что ее динамика обусловлена воздействием структурных причин (реструктуризация экономики, рост доли сектора услуг и торговли, сокращение производственного сектора). Так, П.М. Козырева отмечает, что экономические реформы запустили процесс резкой поляризации социальных групп и слоев. Наряду со значительными масштабами межпоколенной социально-профессиональной мобильности всё более заметным становится нарастание ограничений свободы профессионального выбора и выбора сферы занятости. Реализация профессиональных намерений сдерживается постепенным сужением сегментов рынка труда, обеспечивающих высокие статусные позиции [1; 227]. Данной точки зрения придерживается и М.Г. Бурлуцкая: в результате своего исследования она пришла к выводу, что динамику межпоколенной мобильности обуславливают рост доли сектора услуг и торговли при одновременном сокращении сектора промышленного производства. Межпоколенная мобильность в этих условиях носит преимущественно вынужденный, адаптивный характер [2; 313].

Интересно отметить, что изучением данной проблемы занимались не только отечественные, но и зарубежные социологи.

Так, американские исследователи Т. Гербер и М. Хоут сравнили характер межпоколенной мобильности в позднесоветский и постсоветский периоды. Благодаря использованию современных методов компьютерного анализа они доказали, что глубинные институциональные изменения, которые претерпело российское общество в процессе перехода от социализма к рыночным отношениям, оказали решающее воздействие на характер межпоколенной мобильности. Авторы выяснили, что в период позднего социализма мобильность носила высокоинтенсивный характер. Однако после состоявшегося перехода к рыночной экономике ее динамика приобрела черты, присущие этому процессу в западных странах – классовый характер, при котором социальное происхождение в значительной степени определяет перспективы социального продвижения [3; 677–703].

К аналогичным выводам пришел китайский социолог Ли Юй, который в 2010 г. провел сравнительное исследование межпоколенной мобильности в Шанхае и Санкт-Петербурге. Он выяснил, что под влиянием рыночных экономических реформ в России сократились масштабы восходящей интергенерационной мобильности, одновременно с этим увеличилась преемственность социальных статусов в поколениях, со сменой поколений происходит воспроизводство социальной структуры [4; 29–30].

Таким образом, вопрос об условиях межпоколенной мобильности в России на сегодняшний день не является дискуссионным: все исследователи, работающие в русле данной проблематики, сходятся во мнении, что динамика данного процесса обусловлена воздействием структурных изменений в экономике, произошедших в результате перехода российского общества от социализма к рыночным отношениям.

Рассматривая факторы межпоколенной мобильности в российском

обществе, ученые выделяют внешние (изменения в социально-профессиональной структуре общества, трансформация традиционных каналов мобильности) и внутренние, иными словами, факторы семейной микросреды (материальные ресурсы родительской семьи, уровень образования родителей, наличие социальных связей, семейные традиции и др.). При этом оценка степени влияния тех или иных факторов на динамику исследуемого процесса является дискуссионной. Так Ли Юй и П.М. Козырева полагают, что в сложившихся условиях на незначительный рост межпоколенной мобильности влияет изменение в структуре занятости: увеличение удельного веса профессий умственного труда и сокращение доли профессий неквалифицированного и малоквалифицированного труда, сокращение производственного сектора в России, ведущее к превалированию сферы услуг.

Однако большинство ученых высказывают тезис о том, что интеграция индивида в существующую социальную структуру в значительной степени зависит от факторов семейной среды. Исследования указанных авторов выявляют многофакторность родительского влияния на социальную мобильность детей, которое определяется как социальным статусом, профессиональным примером, так и особенностями повседневного поведения, наставлениями, пожеланиями родителей, семейными традициями и другими обстоятельствами [5; 46]. Так, О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов в результате совместного исследования пришли к выводу о том, что именно семья во многом готовит индивида к приобретению определенного социально-профессионального статуса. Это происходит посредством формирования у детей ценностно-трудовых, ценностно-образовательных, потребительских и других ориентаций, причем этот процесс не всегда имеет

осознанный и целенаправленный характер. Вторым важным фактором межпоколенной мобильности, по мнению авторов, является уровень образования родителей, который в решающей мере воздействует на степень развитости культурной микросреды детей. Доход семьи, как и образование родителей, положительно связан с шансами ребенка на получение качественного образования. Однако его вклад не постоянен [6; 13–14].

Аналогичной точки зрения придерживается М.Г. Бурлуцкая: в результате проведенного исследования она так же пришла к выводу, что достижение индивидом определенного статуса в значительной степени зависит от ресурсов родительской семьи. Важно отметить, и это подтверждаются полученными ею эмпирическими данными, что материальные ресурсы в данном случае не играют решающей роли: в выделенных ею группах обеспеченных и богатых произошла почти полная «смена состава». Из этого следует, что высокий статус по доходу в условиях трансформации социальной структуры не передается от родителей к детям. Передается, в первую очередь, уровень образования, социальные связи, ориентация на успех. В то же время автор отмечает, что подтверждение этих выводов требует проведения более глубокого исследования [2; 318].

Ряд других авторов считают главным фактором межпоколенной мобильности уровень образования родителей. Например, М.Г. Мкртчян отмечает, что определяющую роль в достижении высоких академических результатов, и, как следствие, последующий успех в построении профессиональной карьеры играет культурно-образовательный уровень родителей, а прямая связь между благосостоянием семьи и академическим достижением индивидов незначительна [7; 105].

При этом исследователи выделяют ряд других факторов: так,

М.Н. Реутова говорит о зависимости характера межпоколенной мобильности от типа населенного пункта, в котором проживает родительская семья [8; 142], а М.А. Буланова обнаружила прямую зависимость социального статуса детей от материальной обеспеченности родительской семьи [9; 211–212].

Таким образом, обзор научной литературы позволяет сделать вывод о том, что среди социологов не сложилось однозначного представления о степени влияния тех или иных факторов на динамику межпоколенной мобильности в современной России. Следовательно, данный вопрос остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

Предметом исследовательского интереса социологов также стали гендерные различия в динамике межпоколенной мобильности. Изучая данный аспект исследуемого процесса, П.М. Козырева и М.Н. Реутова пришли к одинаковым выводам: уровень восходящей межпоколенной мобильности по материнской линии выше, чем по отцовской. Несмотря на то, что вертикальная социально-профессиональная мобильность по мужской линии развита довольно сильно, большинство перемещений осуществляется в пределах близких профессиональных позиций.

Значительное внимание уделяется социологами изучению тенденций межпоколенной мобильности в российском обществе. Анализируя результаты подобных исследований, можно выделить тенденции на макро- и микроуровнях.

Отвечая на вопрос о том, какой тип интергенерационной мобильности характерен для российского общества (восходящая, нисходящая или иммобильность), социологи не пришли к единому мнению. Так, изучая динамику данного процесса, М.Н. Реутова и П.М. Козырева отмечают небольшое преобладание восходящих тенденций (объясняя

их, однако, действием разных групп факторов). В то же время О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов пришли к выводу, что межпоколенная мобильность в России имеет нисходящую направленность. Можно предположить, что поляриность точек зрения связана с выбором различных эмпирических индикаторов межпоколенной мобильности и различными временными отрезками сбора данных. Поиск ответа на данный вопрос требует проведения дальнейших социологических исследований.

Изучая территориальные различия в динамике межпоколенной мобильности, социологи также не пришли к единому мнению. Так, П.М. Козырева полагает, что люди, живущие в крупных городах с развитой производственной и социально-бытовой инфраструктурой, имеют более широкие возможности выйти за пределы семейного статуса, чем выходцы из сельских семей. Следовательно, для сельской местности более характерно наследование статуса родителей (иммобильность), в городах, особенно в мегаполисах, наблюдается интенсивная восходящая межпоколенная мобильность [1; 223].

К противоположному выводу пришла М.Н. Реутова: результаты ее исследования показали, что наибольшая интенсивность восходящей профессиональной и образовательной мобильности отмечается у выходцев из сельских семей, в городах же чаще наблюдается иммобильность. Это свидетельствует, с одной стороны, о профессиональной активности сельской молодежи, но, с другой стороны, является отражением более низкого социально-профессионального статуса, который имеют представители родительского поколения, проживающие в сельской местности [8; 143].

Несколько иной точки зрения придерживаются О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов, которые обнаружили, что социальный статус

родительской семьи чаще всего воспроизводится на полярных по степени своей развитости территориях – в селах и мегаполисах. Более интенсивная восходящая межпоколенная мобильность наблюдается в провинциальных городах. Данные тенденции авторы объясняют тем, что в менее развитых территориальных средах существует мало возможностей для успешной карьеры индивидов ввиду ограниченности набора занятий. В провинциальных городах производственная инфраструктура более развита – отсюда более интенсивная межпоколенная мобильность. В то же время в мегаполисах высокая динамичность и конкурентность обуславливают не только высокий спрос, но и реальное приложение социальных и культурных ресурсов семьи для обеспечения восходящей мобильности молодого поколения. Поэтому семейный капитал приобретает здесь особое значение, а социальные статусы родителей чаще всего наследуются детьми [6; 23–26].

Таким образом, исследования межпоколенной мобильности в контексте различных типов поселений по-разному характеризуют динамику исследуемого процесса. Ввиду наличия противоречий данный аспект также требует дальнейшего изучения.

Особый интерес у социологов вызывает исследование тенденций межпоколенной мобильности на микроуровне. Интенсивность и направленность межпоколенной мобильности выходцев из родительских семей с различным социальным статусом рассматриваются социологами как одни из наиболее важных индикаторов, позволяющих оценить степень открытости общества.

По мнению ряда исследователей, наименьшая интенсивность межпоколенной мобильности наблюдается в высокостатусных социально-профессиональных группах (П.М. Козырева, М.Н. Реутова, Ю.Г. Бюраева). Объясняется это

тем, что в благополучных слоях общества накапливаются различные виды ресурсов, дающие возможность успешно интегрировать выходцев из данного типа семей в социально-профессиональную структуру общества. Остальные социальные группы такими ресурсами не обладают, что позволяет высокостатусным группам оставаться относительно закрытыми для вхождения новых членов. В результате данные социальные группы со сменой поколений воспроизводят сами себя. Интересно отметить, что для значительной части их представителей характерна следующая траектория межпоколенной мобильности – наследование статуса родителей через временное понижение статуса. Подобная стратегия межпоколенной мобильности ранее была характерна для престижных групп в западных странах, однако в последние годы стала все чаще встречаться в России.

Несколько иной точки зрения придерживается М.Г. Бурлуцкая: классифицируя семьи по уровню материального благосостояния на основе отношения к прожиточному минимуму, она пришла к выводу, что воспроизводство социального статуса родителей характерно не только для групп обеспеченных, но и для бедных. Автор поясняет, что в семьях малоимущих объем мобилизуемых ресурсов слишком мал для совершения восходящей межпоколенной мобильности, поэтому дети чаще всего не могут выйти за пределы социального статуса родителей. Наиболее интенсивно межпоколенная мобильность происходит среди представителей среднего слоя [2; 315].

В то же время М.А. Буланова, классифицируя родительские семьи по уровню материального достатка, полагает, что наименьшая интенсивность межпоколенной мобильности характерна для наиболее бедных групп и слоев. Автор объясняет данные тенденции тем,

что в группе малообеспеченных вследствие отсутствия социальных ресурсов бедность чаще всего воспроизводится в поколениях. Даже получив высшее образование, многие из представителей низкостатусных групп не могут вырваться за пределы своего семейного статуса. Также автор отмечает, что отсутствие ресурсов часто не позволяет выходцам из бедных семей даже повторить статус родителей, о чем свидетельствуют выявленные ею в ходе собственного исследования тенденции нисходящей межпоколенной мобильности. Это позволяет говорить о существовании в современной России наследственной бедности [9; 210].

Отсутствие однозначных выводов о тенденциях межпоколенной мобильности на микроуровне не позволяет выявить четкую зависимость между статусом индивида и его семейным происхождением. Следовательно, данный вопрос требует дальнейшей научной разработки.

Предметом исследовательского интереса также стали стратегии, которых придерживаются

представители различных социальных групп для повышения (или воспроизводства) социального статуса в поколениях. М.А. Буланова выделяет следующие стратегии: получение образования, смена места жительства, совмещение обучения с работой, дополнительная занятость, использование неинституциональных каналов социальной мобильности [9; 211]. Тем не менее, данный вопрос остается малоизученным: неясно, какие стратегии чаще встречаются у конкретных социальных групп, насколько эффективна их реализация, существуют ли универсальные стратегии повышения статуса.

Таким образом, анализ зарубежного и отечественного опыта изучения интергенерационной социальной мобильности в современном российском обществе позволил выявить, какие стороны изучаемого процесса были предметом социологических исследований, какие вопросы на сегодняшний день являются спорными, а какие еще не ставились социологами. Это позволяет нам установить предметную область дальнейшего изучения данной темы.

Примечания:

1. Козырева П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2012. Вып. 11.
2. Бурлуцкая М.Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. М.: МОНФ, 2000.
3. Гербер Т., Хоут М. Нарастание ограничений: снижение мобильности класса в ходе перехода рынка России // Американское социологическое обозрение. 2004.
4. Ли Юй. Сравнительное исследование межпоколенческой мобильности: на примере Шанхая и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 29–30.
5. Посухова О.Ю. Семейный капитал как фактор профессиональной мобильности на юге России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11.
6. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 13–14.
7. Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социологические исследования. 2005. № 2.
8. Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Социологические исследования. 2004. № 6.

9. Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на востоке России. 2011. № 3. С. 211–212.

References:

1. Kozyreva P.M. Intergenerational social and professional mobility in post-Soviet Russia // Russia being reformed. M.: The new chronograph, 2012. Issue 11.
2. Burlutskaya M.G. Intergenerational mobility in modern Russia: new opportunities or new barriers? // Problems, successes and difficulties of the transition economy. M.: MONF, 2000.
3. Gerber T., Hout M. Tightening up: declining class mobility during Russia's market transition // The American Sociological Review. 2004.
4. Lee Yu. A comparative study of intergenerational mobility: the case of Shanghai and St. Petersburg // Journal of Sociology. 2011. No. 4. P. 29–30.
5. Posukhova O.Yu. Family capital as a factor of professional mobility in the south of Russia // Social and humanitarian knowledge. 2013. No. 11.
6. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. The socio-cultural continuity in the Russian family (empirical studies) // Social studies and the present. 2010. No. 1. P. 13–14.
7. Mkrtychyan G.M. Stratification of young people in education, employment and consumption // Sociological researches. 2005. No. 2.
8. Reutova M.N. Directions and intensity of intergenerational mobility of young people // Sociological researches. 2004. No. 6.
9. Bulanova M.A. Social mobility of young workers in the region: a sociological analysis // The power and control in the east of Russia. 2011. No. 3. P. 211–212.